

как откровение о грехе отчаяния, путях спасения души и обретения вечной жизни. Грех приближает человека к смерти. Спасением в этой трагической ситуации является выход за границу повседневного, переживание экзистенциального пограничного состояния. Религиозное подвижничество и аскетический подвиг дают опыт преодоления отчаяния. Пограничное состояние открывает пространство культурных смыслов. В столкновении защитной реакции и глубинной тяги к тайне сакрального возникают из небытия архетипической памяти первичные механизмы восприятия. Истина определяется на грани жизни и смерти. Древние архетипические механизмы кодируют коммуникацию, прерывая невротическое движение по кругу бессобытийности. Встреча с юродивым, человеком, умершим для мира реального, является такой коммуникацией.

Смерть – важный элемент в структуре подвига юродства. Юродивый умирает для мира, он – странник в мире ином. Вследствие разрыва прежнего онтологического уровня подвижник приобретает силу и сверхдолжные способности. Но одновременно воспринимается как табуированная фигура. Будучи связанным с потусторонним, соединяется в архетипическом сознании с образом мертвеца, что так страшит окружающих. Контакт с ним может привести к роковым последствиям. Подвижник становится самовольным мертвецом, добровольно умирающим в духовных подвигах.

Смерть необходима в той мере, в какой она скрывает повседневное в человеке, обнаруживая нечто иное. Она появляется рядом с юродом в момент знакового, указующего события, от стихийных сил до несчастья в доме и семье. В те дни и часы, когда человек в пограничной ситуации предельной опасности смотрит в лицо смерти, главную опору он находит в самой пограничности, в Вере.

В реакции сознания юродивого состояние смерти обращается и кодируется. И вот уже герой отказывается от имени, социального статуса, дома и семьи. Демонстрация мнимого безумия обрывает последние связи с окружающими. Смерть в повседневном, профанном для жизни в ином становится сутью подвига юродства. Возможная коммуникация предупреждается знаками опасности. Внешний вид юрода, костюмированность или обнаженность, детали фигуры, скрытость лица, босоноготь, судорожное бормотание в сочетании с надрывным жестом говорят не просто о табуированности, но о смертности. "Носящие смерть" юроды – ритуальная фигура, через которую проявляется сакральное.

Впечатление от встречи с юродивым всегда связано с потрясением и тревогой. Эмоциональная память фиксирует страх как основную реакцию на контакт. Импринтинг связан с архаическим мышлением. Запечатленный образ управляет мышлением и определяет действия окружающих юродивого. Врожденные уродства или по-

веденческие отклонения являлись ранее причиной изгнания за племенную территорию, в места сакральных капищ и жертвенников. Обладая особой невротикой, человек становился ритуальной фигурой в культе мертвых, принимая на себя функцию изображения покойника, отвечая перед племенем за связь с душой умершего. Общение с ним становилось табуированным.

Архетип *salosa* – юрода один из старейших хранителей культурной информации. Ментальные связи активизируют дихотомию "жизнь/смерть", конституируют взаимобратность кода. Формируется модель поведения, основанная на приемах выживания. Смерть становится культурным кодом феномена юродства.

Подвиг юродства – одна из самых необычных и противоречивых форм подвижничества. Это наивысшее смирение, отказ от социальных связей и отношений, аскетизм, преодоление гордыни. Главное на юродском пути – откровение людям о нем и признание подвига. Сила Благодати Божьей открывает миру дары подвижника. В даре прозрения юродивый уличает нас в грехах наших, провидит тайное. Светом сердечным утешает страждущих, направляя и наставляя, улучая мгновение для встречи с душой человека. В любви Бога открывается человеку талант приятия и принятия. А человек принимающий уже по определению человек смиренный, находящийся в слушании и послушании. Истинное смирение, подкрепляемое терпением, творит новую реальность, становится путем спасения. Подвижник опытно познает сосредоточение ума на Богомыслии, и тогда память смертная помогает ему думать о последнем дне, подлинно умалиться в бесконечном усилии любви, обрести страх Божий. В смирении став малой частицей перед лицом Господа, вступить на спасительную дорогу к вечной жизни. В унижении искупить грехи, в покаянной сердечной молитве обрести Благодать Духа Святого.

Инстинкт смерти с одной стороны констатирует человеческие, беспросветно фатальные отношения, с другой стороны высвечивает экзистенцию надежды. Функция юродивого в обратимости кодированной информации и самого кода смерти. Благодать Божья позволяет подвижнику провидеть пути к вечной жизни. Для православного человека юродивый – подвижник, подвигом своим защищающий живущих, открывающий дорогу к спасению души.

Юродивый находится между жизнью и смертью, повседневным и сакральным. Суэта обыденного лишает нас идентичности в своем окружении, в связях и отношениях. Обретая Встречу с Богом и Божественным, мы вступаем в евхаристические отношения. Смерть для мира становится смиренной жертвой покаяния. Юродство во Христе кодифицируется как религиозный подвиг смирения и самоотвержения, культурный код которого определяется дихотомией "смерть / спасение".

Надійшла до редколегії 01.02.12

К. И. Заболотских, канд. филос. наук, доц., УГМА, Екатеринбург

ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА В ФИЛОСОФИИ П. ЛАИНА ЭНТРАЛЬГО

Человек, его существование, жизненные перспективы, проблемы повседневной жизни всегда были и остаются актуальными. Особенно интересными представляются для современного человека ценности его индивидуальной жизни. В связи с расширяющимися границами современного мира, постоянным общением людей, важной оказывается и проблема одиночества человека, как противоположная тенденция. Этот вопрос рассматривается в каждой культуре по-разному, поэтому интересным будет обозначить особенности его постановки, которые предлагает испанская философия. Испанский философ, историк медицины Педро

Лаин Энтральго (1908–2001) пишет о проблеме человека, его смысложизненных перспективах. В таких работах, как: "Теория и реальность другого", "О дружбе", "Человеческое тело", он изучает проблему одиночества человека, предлагает пути ее решения.

Проблема человека, его положения в мире возникает у Лаина в связи с рассмотрением кризиса общества, в том числе и испанского в XX в. Во многом его идеи похожи на взгляды Х. Ортеги-и-Гассета, а также Э. Гуссерля. Ортега полагает, что человек среди других людей, всегда остается индивидом, но при этом его индивидуальность может приобретать характер одино-

чества, которому придается особое значение: "Мы ...обнаруживаем, что остались одни в Универсуме, что каждое Я, по сути своей, – одиночество..." [Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., Наука, 1991. – С. 273]. Как и Гуссерль, Лаин рассматривает исходный момент встречи с "другим" как встречу сознаний, в которой возникает опыт "мы", включающий опыт отдельно взятого человека.

Основанием для разработки Лаином проблемы общения оказывается понятие одиночества. Он доказывает, что человек всегда связан в своем бытии с другими людьми. Лаин отмечает, что у древних греков вопрос об отдельном индивиде не был проблематичным, понимание Я как обособленного от других людей возникает лишь в христианском мировоззрении. Проблема одиночества человека появляется изначально в христианстве, и разрабатывается в эпоху Возрождения, а также в Новое время. В XX в. происходит поворот в понимании личности, проблема Другого ставится по-новому. Люди в это время воспринимают мир, как противостоящий человеку, и это переживается ими как ощущение одиночества. Осознание человеком причин своего одиночества ведет к самопознанию. Он осмысливает себя как Я, но одновременно он понимает, что есть нечто более глубокое, чем Я, то, что не принадлежит мне (что я не могу назвать Я) – это не-Я или Другой. Говоря о соотношении понятий Я и Ты, Лаин приходит к выводу о примирении их в идее сосуществования людей между собой.

Возможностью человеческой жизни является общение, взаимодействие одного человеком с другим. Общение людей – это передача части бытия от одного человека – другому, в общении друг с другом люди становятся личностями. Это происходит посредством принятия интересов, потребностей, жизни другого человека, как своей собственной. Другой становится личным Я человека. Тем самым оказывается, что человек, общаясь с другим, меняется сам, становится личностью, но отличной от прежней. Люди не просто общаются, в процессе общения они пытаются понять другого, принять его интересы, потребности.

В качестве главной задачи современности Лаин предлагает – изучить человека как погруженного в свое глубинное метафизическое одиночество, что, в свою очередь, поможет понять Другого и объяснить возможность личного общения с ним. Один человек, согласно философу, может общаться с другим как посредством психического или эмоционального восприятия его, так и с помощью разума. Это: "...драма, состоящая в том, что и должно и невозможно одновременно и осознавать, и осуществлять себя, быть свободой и самосознанием" [Лаин Энтральго П. Теория и реальность другого // История философии. № 1. – М., 1997. – С.183].

Непосредственное общение людей друг с другом, когда другой воспринимается как "Я" может длиться лишь недолгое время, человек все время будет возвращаться к рефлексии над своей личностью и другой уже не будет столь важен для него.

Лаин полагает, что "встреча" между людьми происходит тогда, когда человек осознает, то, что перед ним находится другой человек. Это сознательное действие, которое основывается на двух посылах: внешней реальности другого и непосредственного восприятия другого самим человеком. Лаин различает встречу первоначальную или объективную и встречу личную или воздействующую, особое внимание он уделяет второй, с целью прояснить восприятие Другого. Встреча оказывается встречей единичного (или одинокого) существования с внешней по отношению к нему реальностью, однако, одиночество здесь – лишь временное состояние, поскольку стремление к Другому – постоянное свойство человека. Философ определяет встречу как ответ человека на реальность другого, которая завершает и придает форму их общению. Другой и Я оказываются, таким образом, в двойном соединении, которое наполнено определенным содержанием. Свобода Я и свобода Другого взаимно определяют друг друга. От такого соединения зависит сущность человека, содержание его личности. Лаин различает в общении три вида связи: 1. связь объективированная (другой как объект), 2. связь личностная (другой как личность), 3. связь близости (другой как близкий).

Проблемы в общении опасны тем, что могут вернуть человека к исходному состоянию, состоянию одиночества. Среди таких проблем Лаин выделяет следующие: Человек не может принять интересы, потребности Другого как свои, Другой может оказаться для него препятствием, инструментом или объектом воздействия. Кроме этого, общение между людьми может оборачиваться молчанием, нежеланием общаться – в этом случае Другой воспринимается только как цель познания, обладания, а не полноценная личность.

Таким образом, П. Лаин Энтральго, представляет оригинальное понимание проблемы одиночества. Он пытается отказаться от понятия одиночества, которое было выдвинуто экзистенциализмом. Одиночество в идеях философа понимается как ведущее к социальной общности людей, но переход к этой общности представляется как личностно ориентированный, в конечном счете, совместная жизнь людей формируется в результате общения людей – индивидов, отдельных личностей. Встреча людей возможна лишь вследствие их общения между собой как свободных индивидов, которые воспринимают себя таковыми посредством сознательной деятельности.

Надійшла до редколегії 01.02.12

А. С. Лысков, студ., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва

АЛВИН ПЛАНТИНГА И ЭНТОНИ ФЛЮ: ПРЕЗУМПЦИЯ (А)ТЕИЗМА

В середине 20 в философия религии в англосаксонском мире переживала т. н. "религиозное возрождение", главными теоретическими предпосылками которого были крах неопозитивистской программы вместе с критерием верификации и философия позднего Витгенштейна, воскресившего возможность теистических суждений, объявив религию самостоятельной языковой игрой. Философия религии посчитала себя дисциплиной не просто не бессмысленной, на что ранее обрекали её последователи Венского кружка, но и заявила гораздо более сильную претензию. Философская теология, бурный расцвет которой приходится на это время, нуждалась прежде всего в ле-

гитимации своих высказываний как выражающий *знание*, а не мнение.

Самым мощным и обсуждаемым движением в этом направлении стала "реформатская эпистемология", основателем и бессменным лидером которой является Алвин Плантинга (Alvin Plantinga). Плантинга интегрировал в своём философском проекте утончённую критику эпистемологических проектов от Средневековья до Уильяма Элстона, богословский пафос кальвинистского "возражения против естественной теологии" и философский инструментарий современных эволюционистов, выдвинув собственные критерии рациональности, истинности и знания. Предельная цель его проекта –